

Вышел в свет третий номер (№ 3-2021) журнала «Берега». В нём – предельно важные для жизни современной русской культуры произведения: стихи и проза, воспоминания и публицистика обна- руживают несомненное духовное родство – при всём разнообразии уникальных авторских выска- зываний.

БЕРЕГА ЮБИЛЕЕВ

Открывается номер статьёй Лидии Довыденко «Страдания избранных Твоих...» – о книге Ни- колая Фёдоровича Иванова «Реки помнят свои берега». Знаковая эта переключка в названии романа и в имени журнала. Роман затрагивает, изображает трагичнейшие годы истории нашего государства. И Лидия Довыденко прекрасно, сильно и умно показывает, как писатель вкладывает в эти непростые изображения душу, сердце, переживания героев:

«...начался курс на индивидуализм, на выживание в одиночку, чему никто на пространстве СССР никогда не учился, не умел, ведь свой берег у нас – это соборность, общинность, родная идея и идея общественная...»

И стыд за пустозвонство и “бесполётную скудость” оказавшихся у власти в “межуточный период”. “Войны иногда выглядят более честным занятием, чем игры политиков”, – замечает писатель».

Журнал сердечно поздравляет с юбилеем Валентина Сорокина: 85 лет – это превосходно, это победа над временем! Давайте узнавать людей героического поколения в тревожащих и светлых строках; давайте понимать, что вся великая сложность бытия может уместиться в несколько простых, ёмких слов, от которых щемит сердце:

*Иди, коль ветер, так на ветер,
Иди, огонь, так на огонь,
Я славлю тех, кого не встретил,
Протягиваю им ладонь.*

А вот юбилей человека, что гордо и мужественно стоит на перекрестье русской культуры, соединяя на одном золотом поле киноискусство, литературу, живопись, театр, – 75 лет Николаю Бурляеву, и понятно, вся страна поздравляет Николая Петровича, а получить поздравление от журнала «Берега» радостно вдвойне! Воспоминания. Сценарии. Актёрские роли. Стихи – лирические стихотворения и большие поэмы. Пьесы – одна из них, «Детство Бэмби», с огромным успехом идёт в Москве. Академик. Почётный профессор киноакадемий. Живая душа России – одна из сонма её знаменитых душ живых. «Никогда я не был на Босфоре...» – документальная повесть кинематографиста – ждёт благодарных читателей в третьем номере! И публикация – лучший праздник и самое почётное поздравление!

А вот 75-летие Николая Олькова, и мы с наслаждением читаем сказ «Красная Поляна»:

«Та сторона, что к деревне, летом в зелени разнотравья, для молодняка разного подкашивают люди, а задняя лесом прикрылась, так вот, заведено ещё в старые времена, чтобы тут дерево не трогать. Каждый год обходил лесник и помечал, какие берёзки, осинки и сосенки убрать можно. Зато ягоды в первых лесочках – какую душа желает: и клубника, и костянка, и смородина с ежевикой. Там подале и мокрые места есть, любители забираются вглубь за клюквой и прочей вкусностью...» Какой прекрасный, сочный и яркий, напевно-сияющий русский язык!..

Юбилей и у Натальи Советной – она кандидат психологических наук, поэт, прозаик, публицист, литературный критик; журнал публикует её размышления о книге Виталия Синенко «Я не убит подо Ржевом. Завещание отца». Наталья Викторовна на примере этой незаурядной (и, как она сама отмечает, своевременной!) книги открывает нам правду о Ржевской битве. Удивительную цитату из книги Виталия Синенко приводит писательница:

«Не на жизнь, а на смерть сцепились не просто армии – лоб в лоб сошлись две нации, два мировоззрения, две социальные системы, две правды. Победить или умереть. Борьба за счастье своей родины у немцев заключалась в убийстве нашей Родины. Мы победили. Наша правда оказалась выше. Её поддержало Небо. Многие наши святые воины сложили головы на Ржевском поле. Смертию смерть поправ».

Но автор книги касается не только истории. Наше драматическое настоящее – поле его острых социальных раздумий. А вторая часть книги – завещание отца, соединяющее поколения и эпохи. Наталья Советная замечательно рассказывает нам обо всём этом. Невероятно важно, нужно прислушаться к этому вдумчивому, полному боли и надежды рассказу...

Юбилей и у питерского поэта Андрея Реброва. Прислушаемся! Приглядимся... Будем впивать, впитывать музыку русского стиха... И вот они перед нами – наша песня, наша снежная зима, наша история, наш храм, наша вера – параллель жизни, сиюминутной и вечной:

*На церковных окнах – ризный снег Сочельника,
Дымом и хвоею тянет из-под рам, –
Будто бы на облаке взлетает с ельником.
С белою оградой православный храм.
Раздышу молитвою изморозь оконную, –
От простора белого – аж в глазах черно...
А вдали над речкою, над долиной звонною,
Как звезда Господняя, теплится окно...*

БЕРЕГА ПРОЗЫ

Сергей Пылев из Воронежа предлагает вниманию читателя рассказ «Оживший». Писателя волнуют простые судьбы простых людей. Но... простые они только с виду. Глубины и высоты взаимоотношений... неожиданности и закономерности судеб... Неистребимая жестокость жизни, неодолимый её рок, и рядом – человеческая нежность, потаённые слёзы души... «Филиппу вдруг стало стыдно за всё плохое, несправедливое на этом свете. Гробовой до боли ощутил несвойственное ему до сих пор чувство: он тоже виноват по-своему, что жизнь изначально устроена неправильно. Но ничего

никому не переделать никогда. Никаким прогрессом. Никакими лозунгами. И даже Великая каменная Баба, Мать матерей, в этом вопросе напрочь бессильна.

...Филиппа застрелили на Параскеву великомученицу. Как раз когда он с какой-то новой просьбой ходил к Бабе на курган. Хотя не исключено, что Гробовой словил затылком шальной охотничий жакан, он же турбинка, рикошетом завернувший свой кручёный полёт в его сторону...»

Александр Тихонов из Омска представляет рассказы «Дом на окраине», «По весне», «На кой», «Седой». И опять перед нами – в полный рост – размышление об извечных контрастах жизни. Рождение и смерть. Любовь и вражда. Честность и предательство. Основные архетипы времени, всё расставляющего по своим местам.

«Отец тяжело поднялся с мешков, захромал к куче. С ним такое бывало часто, – Санька не раз видел, как в пору непогоды отец, сжав зубы, терпел непреходящую боль. “Фронтовые раны дают о себе знать”, – говорил он и натянуто улыбался, чтобы не испугать ребёнка.

Начинало накрапывать. Тяжёлые холодные капли срывались с кромки замусоленной тучи и удаляли в комковатую, сухую землю.

– А может, он и правда не убивал никого?

– Предателю не обязательно стрелять, – сказал отец и взглянул из-под руки на змеящуюся к селу дорогу. Там, в оседающей пыли, показалась соседская телега. Поравнялись с бывшим полицаем. Худой детина приветственно помахал, но соседи не ответили, и Седой поехал в село. А дождь шёл за ним. Затяжной, обложной, несущий недели непогоды.

Предателю не обязательно стрелять...»

Удивительный прозаик Александр Евсюков представляет два рассказа – «Людка Саныча» и «Только мы двое». Автор хорошо и сильно заявил о себе, успешно показался на значимых литературных конкурсах России. Но подлинный художник всегда опережает и своё время, и награды. Александр Евсюков идёт в пространства неосвоенные, неизвестные:

«Вижу, Сеня плывёт к берегу. Он одет легче, ору ему: “Сеня, плыви, плыви!” Сам вцепился в лодку намертво, одежды на мне много, до берега точно не дотяну. А там – люди видят нас. У меня ноги свело, руки как клешни растопырил. Сеня всё тяжелее плывёт, но до мелкой воды близко. Вот он встал на ноги, приподнялся над водой и – всё...

– Так, значит, утонул? – негромко спросил я.

Он резко мотнул головой, смерил меня взглядом. Для Саныча было важно, что его товарищ не утонул, не захлебнулся, не проиграл волнам или дистанции. Он как будто снова встал в эту свою нелепую защитную стойку. Не поднимая рук, внутри себя.

– Нет. Потом сказали, сердце остановилось. Перепада температуры не выдержало. Когда вытащили, лицо было совсем синее. Так не вправду, что не верилось. Думал, его обязательно откачают и сам он за жизнь ухватится. Он мне снился потом – синим лицом улыбается широко во весь рот. Жутко. Совсем скоро его пьесы прогремели. Писали, что он гений, молодой и ранний. А у меня – всё кувырком. Он плыл в нашей... в моей лодке, столько всего хотел успеть. И вот – сплыл куда-то, на небо наверно... А я, бездарь, остался. Уцепился за край и не отпустил, пока не дождался помощи. Многие пеняли мне за это, я их не виню...»

Писатель погружается внутрь судеб героев так глубоко, что чудится – уже и не выныривает, остается там, в толще иных человеческих миров. Высшая степень перевоплощения, проживания чужих жизней – столь же дорогих, неповторимых, драгоценных, как своя...

В рассказе «Нунути» Риммы Лютой из Воронежа – кусок детства, кусок жизни, улыбка и незабвенный, родной говор бабушки: воспоминание перерастает в чистое, прозрачное, пронзительное стихотворение в прозе. Да, проза тоже может быть высокопоэтичной! И потрясать горячей, живым огнём трепещущей – днём и в ночи – человечностью:

«Похоронили Марию Васильевну на Коминтерновском кладбище. Шёл Великий Пост, день был пасмурный, а свежая могила, помню, была усытана всё такими же безразличными к человеческому горю белыми и жёлтыми кустистыми хризантемами (и не сезон на них был тогда, откуда взялись – кто знает?). И в их мертвенное тяжёлое благоухание вплеталась моя боль от внезапной

потери близкой души – они пахли смертью. Дрожащая от слабости и утраты, я молила тогда: “Прости меня, моя Нунути! знаю, ты сказала бы: и это пройдёт, рыженькая, Господь с тобою... И с тобою, родная моя, пусть будет Господь, пусть будет Он всегда с тобою...”
С тех пор друзья не дарят мне этих цветов».

Ольга Козловская в рассказе «Под крышей серого дома» путешествует по людским судьбам. Не-простое путешествие. Но столько всего можно увидеть! И запомнить... И столько всего оплакать... и отпраздновать... Сюжет простой: женщина бальзаковского возраста захотела отдохнуть и полетела в Сочи, забронировав место в частном доме. И вот перед нею отдыхающие, насельники этого дома. Здесь дом выступает эквивалентом корабля или самолёта, а люди в нём – экипаж: случайно подобранной судьбой? А может, есть некая закономерность в этих неожиданных знакомствах и встречах? И все они посланы просто для того, чтобы никогда не забылись?

«Разошлись мы глубоко за полночь, после песен, танцев, бесед о счастье и прочих атрибутов душевного застолья. Единственно, чего не было – обещаний вечной дружбы и радостных встреч. Не к месту это было. Да и не нужно.

Всё доброе уходит не прощаясь, оставляя место уже спешащему навстречу новому добру».

БЕРЕГА ПОЭЗИИ

Поэт Константин Смородин из Саранска распахивает перед нами ворота сиюминутной радости и долгоиграющей боли. Это сердце, которому вняты кровавые беды нашего времени. И, обращаясь к современнику в стихотворении «Брату-украинцу», он находит для высказывания непреложной истины единственно верные слова:

*Как в этой жизни земной всё неоднозначно,
всё запутано, закручено, скрыто туманом.
По всем признакам, вроде ждала тебя, брат, удача,
а оказалась удача твоя призраком и обманом...*

Василий Киляков – уникальный поэт, сочетающий в стихотворной плоти тревогу и ветер, и плотность и насыщенность; живую сиюсекундную, молнией пронзающую боль и вектор мудрости, направленный на великую вечность; он мастер беглой, сравнимой с потоком духмяного лесного воздуха зарисовки – и трагической песни о жизни и смерти, где неизбежность каждого ухода с нашей земли оправдана и освящена Божиим началом, Небесным огнём.

И проникает, проникает до сердечных глубин эта изначальная, как сама Русь, песня:

*Я помню, мама, ночь разлива
с огнями станций в глубине...
Твои глаза, как ветки ивы,
росой проплакали по мне.
Я помню запахи, и речи,
и до разъезда тракт прямой,
твой плат, накинутый на плечи,
на плате – чернь с простой каймой.
Опять мы вместе – и без сна я...
Но как тревожно мне взрослеть!
Позволь мне, милая, родная,
твою ладонь в моей согреть...*

Стихи в третьем номере и правда отменные, в авторском богатстве, в их радуге-разнообразии можно купаться, вольно плыть в светлом словесном море. Вот Николай Родионов с его неубиваемой надеждой на бессмертие любви:

*И влюблялся не в тех, и женился как будто бы наспех.
Видно, всё-таки сильный пожар разгорался во мне.
Извините за то, что я душу, раскрытую настужь,
Так пытаюсь очистить, свой мрак выметая вовне.
Прояснится, надеюсь, однажды душа прояснится,
И весь мир станет лучше, чем нынче, гораздо светлей,
Толкотня прекратится, проявится чуткость на лицах,
Жизнь в любовь превратится, и сердце потянется к ней...*

Вот Евгений Харитонов из Белгорода, – в его душе и память войны, полные гнева и боли солдатские мотивы, и слёзы о прошедшей, навек отгоревшей любви, и великолепная живопись русской зимы:

*...Все дороги в округе завьюжены,
Не пройти, не проехать теперь.
А метелица в снежное кружево
Наряжает пушистую ель.
Из-за сопок неспешно потянется
Поздней зорьки румяный обоз.
И, ударив невиданной палицей,
По земле зашагает мороз.*

Вот Виктор Петров, сибиряк: кроме того, что поэт, он ещё историк, а значит, свободно, философски работает с геологическими пластами всеокушающего времени...

*Сквозь разряжённый воздух слов
Прошёл я, задержав дыханье.
Всё помнит кровь: и отчий кров,
И холод вечного скитанья.
Волненьем тело налито,
В нём музыка, восторг Вселенной.
Ничто не гибнет, только то,
Что не имеет сердца, тленно.*

Вот Нина Стручкова, человек совершенно изумительный, истинный русский художник – её стихотворное коромысло протянуто от родной деревни Погореловки в безумную жизнь столиц, от древности лесных времён, мироощущения предков – в буйство огней, в мешанину оголтелой, с ног сбивающей, часто мучительной современности, где так непросто выбрать единственный, верный путь:

*Ты бродил по дорогам забытых времён,
Ты просеивал пальцами шёпот столетий,
В биваках и стоянках всех орд и племён,
О, какими ты солнца был опалён,
О, к каким родникам приникал на рассвете!..*

Орловский поэт Антонина Сытникова – опять об этой кровной связи времён, о крепкой суровой нити, сшивающей эпохи, и её не перерезать, не распороть:

*Стихи читала о войне
Девчушка в платьице сатиновом.
Метались в клубе по стене
Отсветы лампы керосиновой.
Летел и рвался голосок
Сквозь зал немислимыми волнами,
В проём окна наискосок
Луна заглядывала полная.*

*Рыдали бабы не таясь,
А мужики волненье прятали.
Откуда в пигалице связь
С войной прошедшею треклятою?..*

А вот и Нижегородские берега. Лариса Бухвалова и Анастасия Ростова! Стихи Ларисы Бухваловой – плоть от плоти и корень от корня Руси, почти забытой, но тем не менее отчаянно, горько и сильно живой, упорно и навсегда (необоримо!) живущей. Бабушка и мать передали Ларисе житейное мироощущение предков, чувство всех трёх Миров славянского уклада – Мира Верхнего (небеса), Мира Среднего (земля и земное), Мира Нижнего, навьего (царство мёртвых, души предков). Русская зима под её поэтической кистью становится архетипом захлёстывающего с головы до ног, цветного и многошумного праздника бытия, когда сердце-огонь из всех радостных сил сопротивляется вечному Холоду. Христос улыбается языческим богам. Кошки-сфинксы становятся проводниками в ледяное сияние, свечение звёздных миров.

*Помню с детства – мамина любимая –
крепкая, в коробочке хранимая
нитька на бобине очень прочная.
Мама умерла, а нить не кончена.
Ушивали многое и разное
этой нитью выгоревшей, ситцевой:
Бабушка с иголкой умудряется,
мамино лицо, моё – традиция.
Ниточка посконная, небесная
не порвётся, потому что честная.
Ариадны нить во тьме космической...
...Для семи голодных кошек –
Сфинксов, спящих на окошке,
Продавец, продай на грошик
Горстку кильки в чёрной крошке.
В дивном марте, в этом веке,
Мир и килька да пребудет!
Кошки тоже человеки.
Кошки – мартовские люди!*

И у Насти Ростовской – этот мотив родовой связи, переключки внутри семьи, бабушка как архетипический маяк, светящийся во тьме непознаваемых времён:

*«Ты оставайся собой, продолжай мечтать, –
Скорбная складка у бабушки под губами: –
В мире моём я – Фотинья, совсем не та...»
Кто не поймёт, те живут и умрут рабами.
Бабушка в мир свой отправилась через год,
Плакал отец, даже сахар горчил полынью...
Где-то внутри, под кудрями ещё живёт:
«Ты продолжаешь – и славно. А я – Фотинья!»*

И в стихотворении «Веснодельница» музыка вечной весны счастливо нисходит к смертным, заставляя нас именно весною, внутри её теплой власти и тотального пробуждения природы, чувствовать себя жителями не только земли, но и ослепительно-синих, высоких небес:

*Говорят, что она вызывает весну не глядя,
Не касаясь, не думая, даже не видя в снах...
Вышивает созвездия танцем на водной глади,
Пропуская сквозь пальцы любимые имена...*

БЕРЕГА АМУРА

От берегов Нижнего Новгорода волшебным перенесёмся на берега Амура. Закружат, увлекут за собой рассказы Александра Герасимова! «Волки летом людей не кушают», «Счастье», «Шутник», «Конфуз», «Кукушкины слёзки», «Малина», «Стрекоза», «Страна дождей», «Зазимок», «Письма в минувшее» – это и этюды-зарисовки, и затеси-зарубки на сердце, и подробные наблюдения повседневности, и выстраданные всею жизнью раздумья. Мгновения, запечатлённые вроде бы случайно... но ведь на самом деле ничего случайного нет:

«Первый снег – зазимок. Выпадает под утро, перед рассветом, когда морозен воздух. Белым-белёхоньким всё припорошит. Необыкновенно светло от него. И так радостно на душе. Казалось бы, просто снежок выпал, а улыбаешься как ребёнок. И никак надышаться не можешь этим прозрачным искристым снежным воздухом.

На Амуре первый снег случается в конце октября, часто в мой день рождения. Мама рассказывает: родила ранним утром, в окно посмотрела – падают большие белые снежинки – зазимок...»

Ольга Крутикова с амурских берегов выступает в журнале со стихами. И снова эта попытка связи времён, снова несбыточная мечта о соединении, сочетании мира дольного и Мира Горнего:

*...И не надо лечиться от чьих-то пустых разговоров,
И прикуривать солнце из чьих-то ладоней чужих,
Ты ведь сам себе проводник, ну вот тот, который
От Небесного Лекаря к душам людей земных...*

А вот поэт Валерий Черкесов своею судьбой связал Благовещенск-на-Амуре и Белгород. Его мучит неизбывная фронтовая боль. Как всех нас, послевоенных детей, получивших из рук (из сердец!) оставшихся в живых на страшной войне отцов факел веры, гнева и правды:

*Он бы поехал,
поклонился печальному холмику,
под которым отец
уснул навсегда, –
желанье своё
наконец-то исполнил,
да не знает, куда.
Он бы показал это место
своим потомкам.
Может быть, когда-нибудь
помянули деда
горькою стопкой,
слезу уронили на грудь.*

БЕРЕГА НОВОРОССИИ

Юрий Хоба с Донбасса пронзил, как копьём, рассказом «Спаси и сохрани» – об ужасе новой, нынешней войны. Снаряд попал в хату, а бабка Серафима, что молила смертушки для себя, увидела на крыльце лишь обрывки дедова полушубка...

«– Господи, – взмолилась она, – как же так? Я ведь для себя смертоньку просила...»

Однако никто не ответил бабке Серафиме. Жаворонки унесли свои колокольчики подальше от линии фронта, а стрелок затаившейся в силосной траншее боевой машины пехоты был слишком занят делом. Он всаживал гремящие очереди в ошетилившийся сорняками курган. И степь отвечала ему той же монетой».

БЕРЕГА ПАМЯТИ

Переписка Валентина Курбатова с Валентином Распутиным – о, это одна из самоцветных драгоценностей номера! *«Но, видно, в конце концов придётся единомыслие понимать пошире и Россию пожёстче, чтобы устоять в главном. А мы оказались жёстче, чем следовало, и вот на этом-то и можем быть пойманы расторопными дирижёрами, которые мелкие трещины сумеют довести до неперешагиваемых пропастей. Нам бы удержаться всё опережающей любовью, которая простит и срыт, потому что неловкое слово можно поправить и скверный поступок поправить другим поступком, а мы, к сожалению, слова выучились ставить впереди любви и считать их вырубленными в бронзе или начертанными на небесах. За это и будем платить тяжкой мерой всё более плотного одиночества и в конце концов оставлять сиротой свою Родину. Без любви мы подлинно “кимвалы бряцающие”»*. Это из письма Валентина Яковлевича Курбатова. И ведь тёзки были оба... Великие художники, мыслители, радители о Земле Русской. Чтение столь же душеполезное, сколь и векторно направленное в неизвестное будущее, обращённое – о если бы!.. – не только к людям, прожившим большую жизнь, но и к молодым...

БЕРЕГА ПРОЧТЕНИЯ

В номере масса материалов, представляющих собою безусловную историческую ценность. Виктор Клыкков пишет о Данииле Соложове – русском художнике, поэте и музыканте двадцатого века. Валентина Ефимовская размышляет об отражении неограниченной реальности в творчестве поэта Андрея Реброва. Нина Черепенникова публикует раздумья о книге Геннадия Сазонова «Сияние слова Василия Белова». Лидия Довыденко в очерке «Мое большое бытие» рассказывает нам о совершенно неожиданном литературном сопоставлении – о параллелях в творчестве и судьбе Николая Гумилёва и Бориса Корнилова; а ещё Лидия Довыденко соединяет берега Лондона и берега Москвы в подробном, с любовью написанном историческом эссе «Русские аристократы – Отчизне». А вот перед нами фрагмент из книги «Право на прошлое»: её авторы – князь Алексей Щербатов и Лариса Криворучкина-Щербатова. Это бесценные воспоминания о дореволюционном времени... здесь надо ловить, обласкивать вниманием, мыслью, нежностью каждую строчку... Сами эти воспоминания – бесспорное (и упорное!) сопротивление року всесокрушающего Времени. Прошлое не умерло. Оно с нами, пока живы знающие и любящие его.

И они передают эту неугасимую любовь по цепочке, через десятилетия и века нам, живущим, и тем, кто придёт после нас.

С берегов Канады домчался рассказ Эвелины Азаевой «Как апостолы».

С берегов Франции – философская сказка Людмилы Менаже «Принцесса и Чудовище: Зеркало Истины». Воистину весь мир соединён, связан духовным странствием журнала «Берега», золотыми нитями его понимания, внимания, любви...

Низкий поклон Лидии Довыденко и всей редколлегии журнала за огромную и постоянную, радостно-бесконечную работу. Дорогие «Берега», соединяйте деянием духа и пламенем сердца Россию-Русь, близкие и далёкие страны и народы!

